

Светлана Файзрахманова

Салтычиха

18+

Светлана Файзрахманова

Салтычиха

«Автор»

2026

Файзрахманова С.

Салтычиха / С. Файзрахманова — «Автор», 2026

Исторический хоррор о попаданстве, где современная студентка-боксер Настя Салтыкова оказывается в теле своей знаменитой предшественницы — Дарьи Салтыковой, «кровавой барыни» XVIII века.

© Файзрахманова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Нокаут	5
Глава 2 Доклад	8
Глава 3 Дарья	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Светлана Файзрахманова

Салтычиха

Глава 1 Нокаут

2024 год, Краснодар.

— Боксеры, в центр!

Голос арбитра — низкий, прокуренный, с хрипотцой — едва пробился сквозь тягучий гул забитого людьми зала. Настя Салтыкова шагнула вперед. Красные перчатки хищно блеснули под безжалостным светом софитов. Под стопами привычно спружинил канвас — ее личная территория, где мир сужался до квадрата пять на пять метров. Шесть лет в боксе научили её главному: страх — это просто топливо. Если умеешь его жечь, он превращается в ледяную концентрацию.

В противоположном, черном углу замерла Марина Краснова. «Красная». Университетская легенда весом в семьдесят два килограмма чистой, агрессивной ярости. Она была шире в плечах, с тяжелой, почти бычьей шеей и рыжими волосами, которые вопреки правилам каскадом рассыпались по плечам. Красная демонстративно игнорировала условности — ей это всегда прощали за зрелищность.

Арбитр — лысеющий мужчина с усталыми глазами — напомнил про честный бой и стоп-сигналы. Настя его не слышала. Она смотрела в глаза соперницы и видела там отражение собственного голода. Это не был достойный спорт. Это была жажда доминирования.

— К своим углам!

Настя отступила. Алексей Иванович, её тренер, чье лицо напоминало старую, изрезанную шрамами карту дорог, уже ждал с бутылкой воды.

— Не вздумай лезть в клинч, — процедил он, не глядя ей в глаза. — Она тебя раздавит массой. Твой козырь — дистанция. Жми джебами, дергай её. Не давай этой машине разогнаться.

— Знаю, — коротко бросила Настя.

Она выплюнула синюю капю, сделала крошечный глоток, едва смачивая горло. В жилах уже закипал адреналин, превращаясь в звенящую струну. Она посмотрела на свои руки. Эти руки были созданы бить.

Гонг ударил по нервам.

Первый раунд был разведкой, какую тактику выберет противник. Краснова перла буром, тяжело вминая стопы в покрытие. Настя порхала, удерживая невидимую черту. Левая рука работала как поршень — хлесткий джеб, короткий, как удар кнута. По перчаткам, в лоб, снова по перчаткам. Красная даже не моргала, она лишь сужала глаза, выцеливая момент.

«Давай, иди на меня», — пульсировало в голове у Насти.

И Красная пошла. Широкий правый хук должен был снести Насте голову, но та ушла нырком, чувствуя, как возмущенный воздух свистнул над самым ухом. Опасно. Слишком близко.

Контратака Насти была безупречной: двойка в голову и резкий, сухой выпад в корпус. Красная фыркнула, как раненый зверь, но не замедлилась. Настя работала как прецизионный механизм. Она видела, как после каждого замаха у соперницы на долю секунды опускается локоть, как открывается печень. Раз. Два. Вспышка.

За десять секунд до гонга Настя поймала её встречным. Прямой в переносицу. Брызги крови веером разлетелись по черной майке Красновой — алые капли на траурном фоне выглядели почти красиво.

Гонг. Первый раунд за ней. 10-9.

— Красава. Но не расслабляйся, — Алексей Иванович прижал к её лицу влажное, пахнущее мятой полотенце. — Она увидела свою кровь. Теперь она не будет боксировать. Она будет убивать.

Настя дышала жадно, ртом, лоя рваный воздух. Сердце стучало в ритме тяжелого рока — ровно, мощно, без сбоев. Она глянула в чужой угол. Красной забивали нос ватными тампонами, но из-под нависших бровей Марины сочилась такая первобытная ненависть, что у Насти на секунду похолодели пальцы.

«Злость делает тебя предсказуемой», — убеждала она себя, вставляя капу.

Гонг. Второй раунд.

Краснова вылетела из угла, как снаряд. Это был уже не бокс, а смерч. Настя едва успевала блокировать град ударов, отступая к канатам. Один тяжелый прямой все же прошел защиту, угодив в ребра. Боль вспыхнула под кожей горячим углем, выбивая кислород из легких.

— Дыши, Настя! Двигайся! — орал тренер.

Она собрала волю в кулак, огрызнулась серией, заставив Красную на мгновение замереть. Адреналин глушил боль, но реакция начала давать сбои. Настя позволила себе расслабиться на миг, поверив, что перехватила инициативу.

В боксе секунда — это вечность. В боксе секунда — это приговор.

Краснова увидела дыру в защите быстрее, чем Настя успела вернуть руку.

Апперкот. Снизу вверх, со всей мощью семидесяти двух килограммов.

Мир схлопнулся.

Звук не был похож на удар. Это был сухой, отчетливый хруст переламываемой ветки. Но ломалась не ветка — ломалось её лицо.

Сначала пришла темнота. Потом — ослепительный белый взрыв боли. Переносицу будто пронзили раскаленным ломом. Левый глаз мгновенно заплыл чернильной пеленой, правый застлала слезы и соленая влага.

«Нос... — отстраненно подумала Настя, пятясь назад. — В хлам».

Дыхание пропало. Носоглотка заполнилась теплой, густой жидкостью. Она пыталась вдохнуть ртом, но горло сковал спазм. Мир поплыл, превращаясь в калейдоскоп из огней софитов и искаженных лиц в толпе.

— К канатам! Уходи! — голос Алексея Ивановича доносился будто из-под слоя воды.

Настя наткнулась спиной на упругие жгуты. Опирается нельзя — дисквалифицируют. Но ноги превратились в вату. Красная, почуяв запах крови, шла на добивание. В её глазах больше не было спорта. Там была жажда растоптать, уничтожить ту, кто посмела пустить ей кровь.

Удар в плечо. Удар в живот. Настя согнулась, чувствуя, как к горлу подкатывает желчь.

«Сейчас упаду. Всё кончено. Позор. Конец...»

Но где-то в самом темном подвале её души что-то щелкнуло. Страх сменился ледяным, запредельным спокойствием. Это не была спортивная злость. Это было нечто древнее, жестокое и абсолютно беспощадное.

Настя приоткрыла правый глаз. Сквозь мутную пелену она отчетливо увидела цель. Челюсть Красновой. Угол сорок пять градусов. Открытая точка под левым ухом.

«Мой ход», — пронеслось в сознании.

Она ударила. Импульс пошел от правой стопы, ввинчиваясь в канвас.

Разворот бедер.

Спина выгнулась, как стальная пружина.

Кулак вылетел по идеальной траектории, неся в себе всю массу её тела и всю ярость её рода.

Глухой, костный звук. Удар как в мешок с мокрым песком.

Краснова замерла. Её глаза на миг встретились с глазами Насти, и в них отразился первобытный ужас. Потом зрачки Марины закатились, и она начала валиться назад — медленно, тяжело, как срубленная вековая сосна.

Голова соперницы дважды подпрыгнула на канвасе.

Тишина в зале стала абсолютной.

Настя стояла, пошатываясь. Кровь из носа заливала губы, капала на грудь, превращая красную майку в багровый саван. Она видела, как рефери машет руками перед лицом лежащей Красной.

— ...Восемь! Девять! Десять! Нокаут!

Зал взорвался. Рев был похож на крик голодных зверей в Колизее. Настя этого не слышала. Она слушала, как внутри неё, в самой глубине, кто-то ехидно и торжествуя смеется.

Алексей Иванович подхватил её под локоть.

— Дура... — выдохнул он с болезненной гордостью. — Ты же могла без глаз остаться.

— Я выиграла, — прохрипела она. Слова давались с трудом, рот был полон крови.

Её вели к углу, а она смотрела на свои перчатки. Красное на красном.

Врач приложил лед к лицу. Боль резанула мозг, возвращая в реальность.

— Перелом со смещением, — констатировал парень в халате. — Срочно в больницу. Рентген, возможно, придется собирать по частям.

Настя кивнула. Кивок отозвался вспышкой в черепе.

«Салтычиха...» — пронеслось в толпе. Прозвище, которое раньше казалось просто шуткой над фамилией, теперь обрело вес и плоть.

Она уходила с ринга под овации, опираясь на тренера. Но перед глазами стоял не кубок.

Ей вдруг померещилась темная зала старого поместья. Запах ладана, смешанный со сладковатым запахом свежей крови. Тихий, безумный шепот женщины у окна. Звук ударов розог, сливающийся с ритмом её собственного сердца.

Настя села на лавку в раздевалке. Боль была невыносимой, но страх, который шевельнулся в груди, был сильнее.

— Салтычиха, — повторила она губами, пробуя слово на вкус. Вкус был железным. Вкус крови.

Бой закончился. Но в этот вечер Настя поняла: настоящая битва только начинается. И её противник не носит боксерских перчаток. Он живет внутри.

Глава 2 Доклад

Неделю спустя Настя сидела в душевной аудитории исторического факультета Кубанского Государственного Университета. Гипс с носа уже сняли, но зеркало её больше не радовало. Новая, едва заметная горбинка придала лицу хищное, резкое выражение, а фингал под левым глазом, пройдя все стадии цветения от фиолетового до грязно-желтого, всё еще напоминал о цене победы.

Она кожей чувствовала на себе взгляды. Но взгляды эти изменились. Раньше она была просто «той спортивной девчонкой». Теперь в глазах однокурсников читалась гремучая смесь: восхищение силой, жадное любопытство и... опаска. Парни, которые раньше пытались шутить, теперь обходили её парту по широкой дуге.

Лекция Ивана Петровича Семёнова — человека-футляра в роговой оправе очков — тянулась бесконечно. Его голос, монотонный, как осенний дождь, усыплял аудиторию.

— Итак, — Семёнов захлопнул конспект, и этот звук прозвучал как выстрел. — На следующей неделе контрольная. Свободны. Салтыкова, задержитесь.

Когда аудитория опустела, Иван Петрович подошел к Насте. В его глазах не было восторга перед её чемпионским титулом. Только бесконечная усталость старого учителя.

— Вы пропустили три семинара и контрольную, Салтыкова. Ректор за вас просил, называл «гордостью университета», но история — дама ревнивая. Она не терпит урывков.

— Я всё отработаю, Иван Петрович.

— Отработаете, — хмыкнул он. — К пятнице. Двадцать страниц серьезного исследования. Не реферат из интернета, а анализ первоисточников. Иначе к экзамену я вас не допущу.

— Но сегодня среда! — Настя почувствовала, как в висках запульсировала знакомая после боя боль.

— Тогда не пропускайте лекции ради мордобоя, — отрезал Семёнов и отвернулся.

Настя вышла в коридор. Сорок восемь часов. Двадцать страниц. И голова, которая раскалывалась от малейшего напряжения.

— Насть! — её догнала Катя. — Ну что, «казнил» он тебя?

— Почти. Нужно написать исследование за два дня. Тема любая, но глубокая.

Катя, поправляя рюкзак, хохотнула:

— Слушай, ну у тебя же фамилия — золото для историка. Напиши про своих... как их... помещиков? Салтыковых же полно было.

Настя замерла. Слово «Салтыковы» вдруг отозвалось внутри странным, холодным эхом.

— И напишу, — проговорила она, будто в трансе. — Про Салтычиху. Кровавую барыню.

Катя осеклась, её улыбка погасла.

— Жутковато. Но... эффектно. Семёнов оценит.

Библиотека университета встретила Настю запахом времени — сухой пылью столетий, старой бумагой и мастикой. Здесь царило безмолвие, прерываемое лишь тихим шорохом страниц.

Настя шла между стеллажами, пока её взгляд не зацепился за толстый том в потрескавшемся коричневом переплете. «Злодеяния помещиков Центральной России XVIII века». Золотое тиснение на корешке почти стерлось, но слово «Злодеяния» горело, как клеймо.

Она открыла книгу. Страницы, пожелтевшие и ломкие, сами раскрылись на середине.

«Дарья Николаевна Салтыкова... Кровавая барыня».

Цифры ударили по глазам. 138 доказанных убийств. Семь лет безнаказанного безумия. Шесть лет следствия. Настя вчитывалась в описание внешности и чувствовала, как по спине пробежал ледяной ток.

«Привлекательная блондинка... голубые глаза... холодная отстраненность...»

Она невольно глянула в витрину книжного шкафа. На неё смотрела блондинка. С голубыми глазами. С хищным изломом носа и ледяным блеском в зрачках.

— Совпадение, — прошептала она, но голос сорвался.

Она читала описания пыток. Розги. Холодные подвалы. Каленое железо. И за каждым словом видела не текст, а образы. Короткие вспышки, яркие, как кадры кинохроники. Стоны, запах прелых листьев и сырой земли.

В ту ночь она не спала. Ноутбук обжигал колени, кофе давно остыл, а пальцы летали по клавишам, будто подчиняясь чужой воле. Она не банально писала — она проживала.

В пятницу аудитория была забита до отказа. Настя вышла к доске в строгой белой блузке и синей юбке-карандаше, но её деловой вид никого не обманул. Фингал под глазом и резкая горбинка на носу делали её похожей на раненую, но всё ещё опасную птицу.

— Тема моего доклада — Дарья Салтыкова. Кровавая барыня.

Настя начала говорить. Сначала сухо, о фактах. Но постепенно её голос изменился. Он стал глубже, в нём зазвенела сталь. Она перестала смотреть в листы.

— Представьте, — сказала она. — Вас выдают замуж за человека, который старше вас на пятнадцать лет. Он — капитан гвардии. Участник дворцовых интриг. Жесткий. Холодный. Расчетливый. Вы — девочка. Образованная, начитанная, но... девочка. Первая ночь... это не любовь. Это насилие. Быстрое. Болезненное. Унизительное.

Она остановилась. Сделала глоток воды из бутылки, стоявшей на столе. Рука дрожала едва заметно.

— Потом начинается обычная жизнь. Если это можно назвать жизнью. Он бьет вас каждую неделю по любому поводу. Слишком горячая вода для умывания. Недостаточно горячий чай. Слишком громкий смех. Слишком тихий голос. Взгляд не туда. Взгляд слишком прямо. Любая провинность. Любая. И не только провинность. Просто... потому что может. Потому что вы — его вещь. Как сапоги. Как сабля. Как лошадь. Можно бить. Нужно бить. Чтобы помнила.

Аудитория замерла. Никто не шевелился. Даже те, кто обычно в это время листал ленту в телефоне, смотрели на нее широко раскрыв глаза.

— Вы рожаете детей. Они умирают. Один за другим. Вы остаетесь одна. Муж бьет. Дети умирают. Родные далеко. Друзей нет. Только страх и боль. И ненависть. Но ненависть не к нему. К себе. Потому что вы... ни на что не годитесь. Не можете даже детей выносить. Не можете угодить мужу. Не можете... просто быть.

Настя снова сделала паузу. Дышала ртом. В аудитории было тихо. Так тихо, что слышно было, как за открытым окном каркает ворона. Как где-то далеко сигналил машина.

— Потом он умирает. Болезнь. Долгая, мучительная. Вы ухаживаете за ним. И каждый раз, когда прикасаетесь к его горячей коже, думаете: «Скорее бы. Скорее бы это закончилось». И это заканчивается. Он умирает. И вы... свободны. Нет, не свободны. Вы — богатая вдова. Шестьсот душ крепостных. Три имения. Деньги. Власть над людьми, которые для общества — не люди. Вещи. Как вы были вещью для мужа.

Аудитория по-прежнему молчала. Даже Семёнов перестал поправлять очки. Настя описывала быт XVIII века с такой пугающей точностью, будто сама только что вышла из тех покоев.

— Она не была монстром от рождения, — закончила Настя. — Её создало время и чужая жестокость. Понимание — это не оправдание. Это предупреждение. В каждом из нас спит своя Салтычиха. Вопрос лишь в том, кто из нас даст ей волю.

В тишине раздался голос Вити Маликова, местного шутника:

— Салтычиха рассказывает о Салтычихе... Иронично, да?

Раздался робкий смешок, но он тут же завял. Настя медленно повернула голову к Вите. В её взгляде было столько тяжелого, векового холода, что парень невольно вжался в стул.

— Да, — спокойно ответила Настя. — Только я — боксер. Разница в том, как я направляю свою силу.

Семёнов откашлялся.

— Зачет, Салтыкова. Очень... убедительно.

Ночью Настя сидела в своей комнате в общежитии. Сны стали явью. Она видела детали, которых не было в учебниках. Свет лучины в железном светце. Ощущение тяжелого серебряного перстня на пальце. Запах воска и крови.

Она закрыла глаза и вдруг ясно почувствовала: она не одна. В комнате стало холодно.

«Кто ты?» — мысленно спросила она пустоту.

«Я — это ты», — отозвался в голове чужой, ледяной голос. — «Просто вспомни...»

Настя вскочила, бросилась к зеркалу. В темноте её лицо казалось чужим.

«Фёкла. Разбитая чашка. 1 апреля 1756 года. Первая доказанная жертва», — всплыло в сознании.

Она схватила блокнот и лихорадочно записала эти слова. Руки дрожали.

Если завтра в архиве она найдет подтверждение этим деталям... значит, она сходит с ума. Или — что еще страшнее — Дарья Салтыкова действительно вернулась.

Она посмотрела на свои руки — руки чемпионки. Те самые руки, что недавно сокрушили Краснову.

— Нет, — прошептала она в темноту. — Я не стану тобой.

«Ты уже стала», — прошелестел голос. — «Ты же помнишь, как приятно было ломать кости той рыжей на ринге? Это была я. Иначе, ты бы проиграла».

Настя медленно опустилась на пол, обхватив голову руками. В висках пульсировала боль, похожая на удары розог по голому телу. Граница между веками стиралась. На ринге XXI века готовилась выйти Кровавая барыня. И нокаут в её исполнении обещал стать смертным приговором.

Глава 3 Дарья

Москва, март 1756 года.
Холод в то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.